

ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ МЕТАФОРЫ

Метафора (от греч. «перенос») есть употребление слов не в буквальном, а в переносном значении. Для философии XX в., изошренно подкапывающейся под фундамент естественного языка, школьная простота этой риторической фигуры иллюзорна. Тут присутствуют обе крайности: унаследованная неопозитивизмом оценка метафоры как двусмысленности, которой нет места в человеческом познании, и идущее от Ф. Ницше и характерное для иррационализма в целом представление о том, что «истина — это движущаяся толпа метафор» и «мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям»¹.

Тотальность метафоры в иррационализме проявляется и в комментариях Ф. Ницше к психофизической проблеме. Он пишет: «Возбуждение нерва становится изображением! Первая метафора. Изображение становится звуком! Вторая метафора»². На самом деле то, что Ф. Ницше считает метафорой, на языке теории информации будет называться перекодированием. И если метафора предполагает интерпретацию, то в основе перекодирования лежит процесс строгого перевода с одного языка на другой, т. е. радикального перевода (в смысле У. Куайна).

Разговор идет о смысле бытия и тогда, когда М. Хайдеггер пытается опереться на корневые (бытийственные) значения слов, а Умберто Эко, споря о постмодернизме, требует определить границы интерпретации. В этих условиях взаимоприемлемый для разных философских школ логико-лингвистический анализ метафоры нужен прежде всего для уяснения итогов философского развития в XX в., ибо лишь в этом случае мы поймем, что означает буквальное употребление слов и что — метафорическое, существует ли вообще буквальное словоупотребление, а точнее, буквальный смысл слов и текстов (Ж. Деррида, как известно, думает, что не существует), и действительно ли в философской культуре конца XX в. все тонет в интерпретациях и аллюзиях.

Для того чтобы иметь право вести разговор о метафоре, нужно ответить на вопрос о том, что метафорой не является.

---

¹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. I. М., 1912. С. 396, 399.

² Там же. С. 398.

© Н. И. Фатиев, 2005

Прагматически, т. е. с точки зрения контекстов словоупотребления, метафора не имеет места в законах, указах, приказах, резолюциях, уставах, постановлениях, циркулях, правилах, приговорах, патентах, присягах, ультиматумах, дипломатических нотах, иными словами — в прескриптивных контекстах. С логической же точки зрения обычная номинация и предикация в ассерторических (немодальных) контекстах неметафорична, что позволяет использовать сравнительно простую семантику для истинностной оценки входящих в них суждений.

Таким образом, на наш взгляд, устанавливается «нулевой градус» метафоры. Если мы можем использовать двузначные таблицы истинности для логических союзов и восходящую от Аристотеля к А. Тарскому оценку истинности простых суждений, то разговор о наличии в них «скрытой метафоричности» беспредметен для логической семантики.

Для работ о метафоре уже стало общим местом недовольство предшественниками, и мы не будем отступать от этой традиции. Посему сделаем краткий обзор существующих точек зрения, перечислив то, что не может нас в них устраивать.

Во-первых, существует мнение о том, что метафора постигается внелогически — интуитивно, относясь исключительно к ассоциативному мышлению. «Логичность и метафоричность текста — это два дополняющих друг друга его проявления», — пишет В. В. Налимов³. Если встать на данную позицию — логико-семантический анализ метафоры бесперспективен. Но это не так. На самом деле метафора входит в структуру рациональности, делая это, однако, столь специфически, что обычно она воспринимается лишь как мифопоэтический аксессуар.

Концепции, претендующие на объяснение функционирования метафоры в языке, можно условно разделить на теорию сходства и теорию метафорического сдвига.

Теория сходства восходит к Аристотелю, который писал в «Риторике»: «Сравнение есть также метафора, так как между тем и другим существует лишь незначительная разница. Все эти выражения можно употреблять лишь как сравнения и как метафоры, и очевидно, что все удачно употребленные метафоры будут в то же время и сравнениями, а сравнения [наоборот, будут] метафорами, раз отсутствует слово сравнения [как]» (1407 а). Однако, как следует из приводимого отрывка, Стагирит все-таки не смешивает сравнение и метафору, очевидно

---

³ Теория метафоры. М., 1990. С. 5.

признавая различие буквального и метафорического прочтения текста. Если такое различие существует, то закономерен вопрос: достаточно ли обычной интуиции, чтобы определить, какой тип прочтения перед нами? Может оказаться, что языковая коммуникация в житейской практике вполне в состоянии опираться на интуицию для решения указанной задачи, но для научных, философских и иных гуманитарных текстов это явно не так.

Различие буквального и метафорического прочтения текста инициирует проблему поиска критериев метафоричности, и если признать метафору как вид сравнения, то получение такого критерия крайне затруднено, ибо, в принципе, сравнивать можно все со всем. В традиционной логике сравнимыми будут считаться понятия, в содержании которых присутствует хотя бы один общий признак. Но поэтический контекст снимает и это требование: вспомним хотя бы брюсовское «есть тонкие властительные связи меж контуром и запахом цветка».

Кроме того, если рассмотреть использованную Плавтом и Т. Гобсом метафору «человек человеку волк» как сравнение, то станет ясно, что в таком виде данная метафора не раскрывается полностью, теряя часть присущего ей социально-философского смысла. Человек не просто волк, но волк в специфической «человековолчьей» среде — вот смысл этой метафоры, а не банальное сравнение человеческих и волчьих биологических характеристик. Как пишет Дж. Ортони, «тот факт, что метафоры часто употребляются для сравнения, не значит, что метафоры являются сравнениями»⁴.

Еще один пример приводит М. Бирдсли: это метафора «the spiteful sun» — «злое солнце»⁵. В данном случае оба буквальных значения создают метафору за счет сходства — «злой человек — злое солнце», т. е. солнце сравнивается с человеком. Стало быть, за счет сравнения метафора вводит в контекст чуждый ему и неназванный объект. Правда, сам М. Бирдсли выдвигает свои возражения против теории сравнения, и одно из них, на наш взгляд, весьма серьезно. Отношение сравнения симметрично: если мы сравниваем А с В, то мы очевидным образом сравниваем В с А. В метафоре симметричность чаще всего отсутствует, т. е. сказать «человек — это волк» вовсе не то же самое, что сказать «волк — это человек».

---

⁴ Ортони Дж. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры. М., 1990. С. 222.

⁵ Бирдсли М. Метафорическое сплетение // Там же. С. 201.

Энергичная попытка использования теории сходства предпринята Дж. Миллером⁶, однако сравнение у этого автора разворачивается в аналогию. Скажем, метафора «вырывайте с корнем свои недостатки» есть скрытая аналогия: «избавляйте себя от недостатков так же, как избавляют от сорняков сад».

Слабость данной позиции в том, что видеть скрытую аналогию в метафоре — это метод, далеко не всегда проясняющий суть дела. Вот, скажем, метафора: «Ваши слова пусты». Разумеется, можем сказать, что перед нами аналогия: «Ваши слова — коробка из-под обуви, обложка ореха, кожа апельсина и т. д.». Но что это добавит нам в познании структуры и механизма метафоры?

Существенно и еще одно обстоятельство. В англоязычной литературе многократно предпринимались попытки содержательно типологизировать метафоры. Например, в статье Дж. Лакоффа и М. Джонсона⁷ метафоры разделяются на метафоры канала связи, ориентационные и т. д. Это очень напоминает известную работу А. И. Уемова⁸, пытавшегося создать типологию аналогий, рассматривая их содержательные примеры в истории науки. В итоге появились такие частности, как аналогии свойств, отношений, структурно-функциональные, причинные, временные и т. д., что сродни стремлению вычерпать море с помощью чайной ложки. Важно, правда, уточнить следующее: в психологическом и познавательном плане теория сходства имеет определенный смысл. Метафора рождается от сходства вещей, это тривиально, в этом отношении в ее основе действительно лежит сравнение, если мы понимаем выражение «лежать в основе» метафорически. Но теория сходства не может заменить логико-семантический анализ метафорического суждения, что мы и вынуждены констатировать.

Теория же метафорического семантического сдвига в целом такова. Субъектно-предикатная структура метафоры включает термины, один из которых несет буквальное, а другой — метафорическое (переносное) значение. Семантическая теория метафоры как раз обязана объяснить, как из соединения в суждении двух терминов, изначально обладающих буквальным значением, возникает переносное (метафорическое) значение, придающее суждению смысл. Этот переход от буквального значения к метафорическому называется семантическим

---

⁶ См.: Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Там же. С. 236–284.

⁷ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Там же. С. 389–416.

⁸ Уемов А. И. Аналогия в практике научного исследования. М., 1970.

сдвигом. Иногда спорят о том, какой это сдвиг — объема или содержания. Вообще-то, такая постановка вопроса напоминает спор остроконечников и тупоконечников у Дж. Свифта. Чтобы показать это, вспомним работу Н. Решера⁹.

Всякий объект по содержанию можно характеризовать тремя типами множеств:

1) множеством свойств, необходимо принадлежащих (или не принадлежащих) данному объекту (пример — наличие четырех прямых углов у прямоугольника и квадрата);

2) множеством свойств, действительно принадлежащих (или не принадлежащих) данному объекту (пример — присутствие в истории Древнего Египта определенного числа династий фараонов);

3) множеством свойств, возможно принадлежащих объекту (пример — изменение цвета асфальта в зависимости от его влажности, изменение цвета волос в зависимости от их окраски и т. д.).

Таким образом, всякий объект со стороны содержания будет характеризоваться указанными тремя множествами. Однако можно поступить и наоборот — и всякое свойство характеризовать через модус присущности его некоторым множествам объектов. В итоге опять получается три множества, которые относительно всякого свойства группируют объекты как:

1) необходимо обладающие этим свойством;

2) действительно обладающие этим свойством;

3) возможно обладающие этим свойством.

Любые изменения первых трех множеств, дающих интенциональную (через свойства) характеристику объектов, приведут к трансформации границ следующих трех множеств, дающих экстенциональную (через отношение объема) характеристику свойств (предикатов). Очевидно, что в рамках любого концептуального описания сдвиг объема понятия невозможен без сдвига его содержания и наоборот.

Менее, однако, очевидна причина тупикового характера самой концепции метафорического сдвига. Ядро этой концепции — расширение в процессе метафорического сдвига значения термина. То, что это происходит, не может быть оспорено, но каковы пределы данного расширения? Скажем, введение модального оператора возможности приводит к расширению от множества действительных свойств к множеству возможных свойств при характеристике объекта. Но граница его возможных свойств вполне может быть фиксирована. А как

---

⁹ Rescher N. Philosophy of possibilities. London, 1975.

быть с метафорой? Ведь последняя способна выводить значение термина даже за рамки свойств, возможно, ему приписываемых. Формально выражаясь, метафора позволяет приписывать объекту невозможные свойства. Из этого следует, что:

- 1) концепция метафорического сдвига не в состоянии определить границы расширения значения термина при метафорическом сдвиге;
- 2) указанное выше обстоятельство делает данную концепцию бесполезной для истинностной оценки метафорического суждения.

И, наконец, наиболее темный аспект проблемы метафоры. Попробуем поставить вопрос: можно ли рассматривать метафору с позиции истинности или ложности метафорического суждения?

Возьмем, например, суждение «Марина — ведьма». Условия его истинности или ложности при буквальном прочтении очевидны. В случае, когда Марина является ведьмой на самом деле, указанное выше суждение истинно, если же не является, то оно ложно. Что же можно сказать об условиях истинности или ложности данного суждения при метафорическом прочтении? Интуиция говорит нам, что такие условия должны иметься, поскольку данное суждение не бессмысленно, но как его верифицировать? Или общеизвестный пример из повести Н. В. Гоголя: Иван Иванович Перерепенко назван «гусакком». Для опровержения данного суждения он ссылается на свое дворянство, засвидетельствованное в метрике, между тем как «гусак не может быть записан в метрической книге, ибо гусак есть не человек, а птица». Но вот в чем специфика метафоры: опровержение принадлежности буквального значения не есть опровержение принадлежности значения метафорического. Так на горизонте семантики метафоры появляется первая параллель с семантикой логических модальностей. Ведь формула «возможно, А» может быть истинной тогда, когда формула А — ложна.

Вторая параллель с семантикой модальности напоминает выводы, сделанные еще Р. Карнапом относительно F-истинных суждений: чтобы отделить их от F-ложных, нужна модель, т. е. некоторое или, добавим мы, некоторые описания состояния предметной области. То же, по нашему мнению, происходит с семантикой метафоры. Ее верификация или фальсификация требуют модели, относительно которой можно делать определенные выводы.

Поэтому дальнейший разговор целесообразно вести в два этапа, отделив логику (синтаксические аспекты) метафорического суждения от его семантики.

Говорить о логике метафоры можно в широком и узком смысле. Если в широком смысле ей посвящен весь рассматриваемый материал, то в узком смысле логика метафоры — это анализ предложения, содержащего метафору, как особого метафорического суждения, обладающего специфическими в логическом отношении свойствами.

Дж. Миллер в своей работе¹⁰ делит метафоры на именные, предикатные и сентенциальные. На наш взгляд, данное деление можно отчасти упростить до двух хорошо известных из модальной логики типов суждений. Это *de dicto*- и *de re*-модальности.

В случае модальности *de dicto* метафорическое суждение приобретает вид: метафорически *S* есть *P* (например: метафорически «это — ножка стола»; метафорически «Сэм — свинья»).

Относительно модальности *de re* можно сказать, что имеется метафорическое суждение, в котором метафора задает тип связи: *S* метафорически есть *P* (например: «Лев — метафорически царь зверей»; «Британия — метафорически королева волн»).

Приведенный выше текст показывает, что в суждении неявно или явно возникает оператор метафоры, который ведет себя аналогично модальному оператору в алетической модальной логике; обозначим его буквой *m*.

Стало быть, имеется метафорическая модальность в формах *de dicto* и *de re*.

Например:

$m(S \text{ a } P)$ или $S — m \text{ a } P$.

В кванторной форме метафорическая модальность принимает следующий вид:

$\exists x m(Ax)$ в форме *de re*. Это звучит как «некоторый объект метафорически обладает свойством *A*»;

$m(\exists x Ax)$ в форме *de dicto*, что звучит как «метафорически некоторый объект обладает свойством *A*».

Небезынтересно отметить, что в принципе возможны три формы вовлечения в метафорическую модальность, если мы будем следовать логике известной работы У. Куайна. В этом случае модальность *de dicto* есть вторая форма вовлечения в модальность, модальность *de re* — третья, а первой степенью вовлечения будет кавычковый контекст, содержащий метафору и олицетворяющий язык-объект и утверждение о том, что сказанное в кавычках — метафора, формулируемая на метаязыке (например: «Революции — локомотивы истории» есть метафора).

---

¹⁰ См.: Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры.

Итак, мы постулируем, что наряду с алетическими, деонтически-ми и эпистемическими модусами в суждении может иметь место и метафорический модус.

Коль скоро метафора существует в естественном языке и невозможна, скажем, в языке алгебры или геометрии, это делает очевидной для нас уникальность естественного языка в качестве средоточия метафор. Весь вопрос в том, как влияют на логику и семантику естественного языка метафоры.

Для того чтобы понять основные идеи логической семантики для метафорических суждений, разберем основные свойства метафоры, извлеченные Н. Д. Арутюновой. Она пишет: «В ней (метафоре) заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира, соответствующего классифицирующим (таксономическим) предикатам, необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета»¹¹. Последовательно проанализируем цитату: имплицитное противопоставление означает скрытое. С одной стороны — обыденное видение мира, т. е., добавим мы, рутинное описание состояния, с другой — некое «возможное необычное» видение. И они связаны сущностью индивида, которая так или иначе присутствует в обоих. Пойдем далее: «Метафора отвергает принадлежность объекта тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании»¹². Начнем с того, что метафора ничего не отвергает. Допустим, есть метафора «дом — корабль». Дом не перестал быть домом, а корабль кораблем, просто возникло нечто новое — вовлеченность в новую ситуацию. А вот как быть с рациональным основанием? Оно есть. Здесь своя логика — и не менее жесткая, чем обычно, если понять ее семантику.

Как вообще возможно определить — относится метафора к сфере рациональности или нет? Через сформулированные еще логическим эмпиризмом критерии верифицируемости и фальсифицируемости, применяемые к метафорическому суждению. При этом очевидно, что, применив данные критерии к буквальному значению терминов метафоры, мы оказываемся в положении гоголевского героя, доказывавшего, что он не гусак, наличием метрики о рождении в дворянской семье. Значит, верификации должна проводиться в отношении переносных значений. Понять, куда происходит этот перенос, позволяет семантика

---

¹¹ Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. С. 17.

¹² Там же. С. 18.

возможных миров для метафорических суждений, к анализу которой мы и переходим.

В основе семантики метафоры — уже используемое модальной семантикой понятие «возможного мира» как некоторого описания состояния произвольной предметной области. Этим возможным миром может быть любой контекст — произвольный или выбранный заранее фрагмент текста.

Метафора связывает воедино — в суждения — термины, принадлежащие разным описаниям состояния (говоря языком логической семантики) или контекстам словоупотребления (говоря языком прагматики), т. е. метафора действительно осуществляет перенос имени или предикатного концепта в иное описание состояния (возможный мир). Рассмотрим тот же пример: «дом — корабль». Итак, S метафорически есть P , т. е. дом метафорически есть корабль. В рамках этой метафоры концепт «дом» переносится в иной возможный мир, мир, условно говоря, судостроения, за счет чего дом наделяется архитектурным обликом, родственным кораблю. Заметим, что отношение метафоричности несимметрично. Противоположный вариант метафоры, скажем — «корабль — дом родной», говорит о том, что на корабль переносятся свойства человеческого жилья, т. е. концепт «корабль» переносится в иной возможный мир (иное описание состояния). Метафорический перенос есть перенос объекта из своего описания состояния в иное описание состояния, иной возможный мир или иной контекст словоупотребления (в рамках естественного языка все три вышеприведенных вида терминологии значат одно и то же).

Как выглядит семантическая модель для метафорического суждения? Это множество описаний состояния (возможных миров). Оно может быть порождено из выделенного базового контекста (принцип актуализма) или представлять разные контексты, как связанные, так и не связанные друг с другом по смыслу. Для удобства квантификации эти контексты могут быть доведены до полных описаний состояния, т. е. должно быть выполнено сформулированное нами ранее условие.

Между элементами указанного множества (мирами) вводится два типа отношений.

Во-первых, это известный из стандартных крипковских семантик тип отношения R — отношения достижимости между возможными мирами. Можно ли моделировать с помощью данного отношения метафорическую модальность, например: $\exists x \text{ in } A_x$ — «существует корабль, метафорически являющийся космическим» или «Существуют ножки, метафорически являющиеся ножками стола»? Перед нами так

называемые стертые метафоры, т. е. метафоры, состоящие из терминов, которым свойственно одно из двух:

1) они являются мирами, возможными относительно друг друга. Так, в суждении «американский космический корабль приводелся в акватории Тихого океана» земной и космический контексты совозможны. В этом случае оператор метафоры m превращается в обычный модальный оператор возможности ($\diamond$), где $\diamond A = mA$;

2) контексты словоупотребления сливаются в один, т. е. метафора перестает быть таковою и термин начинает употребляться в буквальном смысле: скажем, ножка стола, вазы и ребенка существует как термин (объект или предикат «быть ножкой чего-то») в одном описании состояния. В этом случае модальная специфика пропадает, т. е. $\exists x mAx = \exists x Ax$.

Предшествующие случаи стертой метафоры дают нам представление о семантически слабом типе метафоры. Сильный же тип метафоры предполагает несовместимость описаний состояния, или, иначе говоря, недостижимость возможных миров, в которых присутствуют используемые в метафорическом суждении термины.

Формальные семантики, моделирующие наряду с отношением R (отношением совозможности (достижимости)) отношение S — отношением недостижимости — существуют: сошлемся хотя бы на работу Арнольда ван дер Ната¹³. Во избежание недоразумения укажем, что семантика, предложенная А. ван дер Натом, останется семантикой для логических модальностей, и мы ни в коей мере не предлагаем комбинировать логическую и метафорическую модальности, вводя, скажем, в систему $S-2$ аксиомы для метафорической модальности. Мы постулируем иное: жесткое разделение миров в этой системе на связанные R - и S -отношением позволяет по-новому интерпретировать часть модели, связываемую отношением недостижимости — S .

Какова специфика отношения недостижимости (невозможности) — S ? Что означает wSw' ? Миров w и w' , связанные данным отношением, не могут быть связаны отношением R , т. е. суждение, истинное в w' (при буквальном смысле входящих в него терминов), невозможно в w . Между тем отношение невозможности как раз и означает, что суждение, невозможное в w , выполнимо в мире w' , связанном с миром w отношением S , т. е. в мире, невозможном относительно w . Например, метафорическое суждение «Сэм — свинья» переносит кон-

---

¹³ Nat A. van der. Beyond Non-normal Possible Worlds // Notre Dame Journal of Formal Logic. 1979. Vol. 20. N 31. P. 79–81.

цепт «Сэм» в мир, в котором он никоим образом не окажется, если не относится серьезно к буддистской концепции переселения душ.

Что можно сказать о свойствах отношения S ? Оно, очевидно, не-рефлексивно, т. е. не проходит wSw , но возможна модель, в которой оно будет квазирефлексивно, т. е. если w_0Sw_1 , то w_0Sw_0 . Это будет всего лишь означать, что метафорические суждения не подлежат истинностной оценке в мире, в котором они высказаны, что, в общем, может оказаться справедливо для метафоры.

Симметрично ли данное отношение? Алгебраически, казалось бы, возможны обе версии — как с симметричным, так и с асимметричным отношением S . Содержательно же метафора, как правило, необратима, т. е. несимметрична, следовательно, таким должно быть и отношение S в модели.

Транзитивно ли отношение метафоричности? Здесь также возможны оба случая, т. е. применение оператора метафоры к тому суждению, которое является метафорой, может менять смысл, а может и не менять. Однако интуиция подсказывает, что в ряде случаев $m mA = mA$, а это означает, что отношение может быть и транзитивным, т. е. если w_0Sw_1 и w_1Sw_2 , то w_0Sw_2 .

Перед нами аспект, родственные проблеме итерированных модальностей в алетической модальной логике. И там и здесь решение данной проблемы должно определяться свойствами модели, но применительно к метафоре в естественном языке это сделать будет не просто.

Содержательно можно рассмотреть следующий пример:

1. Печаль — это осень.

2. Печаль — это осень сердца.

Перед нами два метафорических суждения (в первом случае «Печаль — (m) осень», во втором — «Печаль — $((m)$ осень $((m)$ сердца)»). Значит, возможно увеличение числа операторов метафоры в предложении. Отношение недостижимости будет связывать в этом случае «миръ» (описания, состояния) человеческого эмоций (печаль), природных процессов (осень) и физиологии человека (осень сердца). «Недостижимость» миров при переходе от просто «осени» к «осени сердца» семантически возрастает за счет все большей удаленности друг от друга по смыслу образующихся описаний состояния.

Итак, вернемся к содержательной стороне дела. Н. Д. Арутюнова права — «ложь и правда метафоры устанавливаются относительно

разных миров»¹⁴. Но не просто разных. Свойство метафоричности возрастает по мере роста недостижимости миров, между которыми осуществляется метафорический перенос. Следовательно, «ревнивец — Отелло» не метафора в сильном смысле слова потому, что Отелло и есть ревнивец в действительном мире или совместимом с ним мире художественной фантазии Шекспира.

Прав Андре Бретон, когда пишет, что метафора дает возможность сравнить два предельно удаленных друг от друга предмета. Но о какой дали идет речь? Можно ли иметь в виду даль пространственно-топографическую, типа Южного — Северного полюсов? Очевидно, нет, поскольку эти слова близки по смыслу. В случае метафоры перед нами некая смысловая даль, выражаемая в смысловой отдаленности описаний состояния, в которых встречаются эти термины, т. е. несопоставимости возможных миров их (терминов) существования. Это значит: метафора — не какое-то «мнимое тождество» сравниваемых объектов, но смена контекста, в котором в результате метафорического переноса оказывается имя или предикатный концепт.

На данном этапе мы готовы сформулировать искомый в свое время Максом Блэком критерий метафоричности. *Выражение (суждение) тем в большей степени есть метафора (или метафора тем сильнее), чем более семантически недостижимы возможные миры (описания состояния, контексты словоупотребления), в которых использованные в метафорическом суждении термины употребляются в своем буквальном значении.*

Вернемся к разговору о значении метафорического суждения. Что мы имеем в виду, говоря «Ричард — горилла» и «Сэм — свинья»? Речь не обязательно идет о сходстве внешних признаков, и Ричард и Сэм могут быть внешне абсолютно непохожими на своих прототипов. Можно, правда, говорить о внутреннем сходстве, о сущности этих людей, но придется объяснять, что имеется в виду. На помощь приходит эссенциализм как принцип, активно обсуждающийся в рамках семантики модальностей. Эссенциализм есть признание сущности объекта как характеризующей его совокупности необходимых свойств или признаков. В модальной семантике сущность обычно имеет «трансмиссивный» характер. (В силу того что выражение в *de re*-формулировке, например $\exists x \Box A x$, истолковывается с использованием принципа: необходимо присущие объекту свойства обязательно присущи ему или его «заместителю» в других возможных мирах.) В итоге сущность образу-

---

¹⁴ Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. С. 18.

ет «концепт» объекта, который и становится предметом переноса в метафорическом суждении. Примером тому — концепты «волк», «свинья», «горилла».

При этом вопрос, какие свойства входят, скажем, в концепт «горилла», носит прагматический характер. Иначе не объяснить тот смысловой курьез, когда травоядные, вегетарианские существа, которые никогда не дерутся друг с другом, ни на кого не охотятся, не агрессивны и прибегают к силе исключительно в порядке необходимой самообороны, используются для метафорической характеристики диктаторов-милитаристов.

Эссенциализм в традиционной модальной семантике помогает понять механизм трансмировой идентификации объектов в возможных мирах. Скажем, $\exists x \Diamond A$ читается как « x возможно обладает свойством A ». Семантика возможных миров интерпретирует данное суждение как утверждение о том, что объект — аналог x обладает свойством A в одном из возможных миров, связанных с действительным миром, где имеется x , отношением R .

Ничто не мешает нам рассматривать выражение $\exists x \Diamond A$ сходным образом. «Человек есть волк» — метафора, предполагающая выделение концепта сущностных свойств человека, позволяющего идентифицировать его в мире животных с волком, а не с белой мышью. Надо сказать, что очень близко к развиваемому нами кругу идей подошел Пауль Хенле, определяющий метафорический знак следующим образом: «Знак является метафорическим, если он употреблен с референцией к объекту, который он не обозначает при буквальном употреблении, но который обладает некоторыми признаками (курсив мой. — *Н. Ф.*), присущими объекту, который должен был бы быть»¹⁵. Вопрос к П. Хенле: где «должен был бы быть»? В ином описании состояния. В этом пункте становится очевидна роль сравнения для метафоры. Язык в создании метафор ориентируется на устойчивое подобие, потому в текстах метафоры встречаются обычно без обстоятельств времени и места. Устойчивое подобие есть как минимум сходство, а последнее как раз и выявляется с помощью сравнения как познавательной процедуры.

Кросс-идентификация как семантическая процедура, известная из логики алетических по преимуществу модальностей, может быть расширена. Относительно возможных миров данная процедура указывает

---

¹⁵ Henle P. Metaphor // Language, Thought, and Culture / Ed. by P. Henle. Ann Arbor, 1958. P. 267.

на возможные изменения свойств данного объекта. При этом пределы изменения зависят от вида модальности. Границы изменений в рамках физических (деонтических) модальностей уже границ логически возможного и т. д.

Дальнейшая кросс-идентификация, даже в не достижимых логически мирах закрепляемая метафорической модальностью, осуществляется уже в границах осмысленного употребления слова вообще. Яркое проявление разумной языковой деятельности в упомянутых границах вербального смысла — поэзия.

Архиважно еще раз подчеркнуть следующее обстоятельство. Метафора не покушается на элементарную логику. Если принять имеющееся в системе А. ван дер Ната разделение в модели на нормальные (связанные R-отношением) и ненормальные (связанные S-отношением) миры, то последние ни в коей мере не могут влиять на означивание как немодальных формул (что очевидно), так и формул, содержащих логические модальности, ибо их значение выявляется лишь с учетом миров, связанных отношением R.

Рассмотрим проблему верификации метафорического суждения на примере поэтического текста:

Ты в Рим идешь, падеся Рим найти,
Нет, пилигрим, ты не найдешь святыхни,
Лишь трупы стен ты созерцаешь ныне,
Лишь прах и пепел у тебя в горсти.

Данный текст принадлежит Франсиско Кеведо, выдающемуся испанскому поэту XVII в., представителю «трудного» стиля, называвшегося концептизмом (целью которого было «раскрытие глубинных и неожиданных связей различных объектов через слово и мысль»; во всяком случае, связь с термином «концепт» очевидна). Цитируемый сонет содержит метафору «трупы стен». Итак, у нас суждение вида:

Эх mAx — «существуют трупы, метафорически являющиеся трупами стен».

Верификация данного суждения есть способность понимания выражения «трупы стен», т. е. наделение его смыслом. Фальсификация же метафоры — невозможность осмыслить ее в предложенном контексте, как если бы на месте выражения «трупы стен» было «звезды стен» или «птицы стен». Итак, если метафорическая модальность есть предел возможного уже даже не логически, а словесно, в рамках осмысленного употребления слов, то верификация метафоры — это просто констатация наличия смысла у метафорического суждения, а

фальсификация — констатация выхода данного суждения за границы смысла и понимания. Пример последнего суждения: «Грязный пруд — сапфир».

Подведем итоги. Общий вывод — метафора представляет собой операцию подстановки (суппозиции — в схоластическом значении этого термина). Подставляется имя объекта (Джон) или концепт (дом). Контекст, в который подстановка осуществляется, принимает вид модального контекста. Семантически такой контекст отождествляется с возможным миром, связываемым определенными отношениями с миром, из которого берется подставляемый концепт. Это отношение R (достижимости) или S (недостижимости), причем возможны следующие варианты:

1) R — отношение достижимости — квазирефлексивно. Пример метафоры в этом случае: «Отелло — ревнивец». Степень метафоричности: $CM = 0$;

2) R — отношение достижимости — рефлексивно. Пример метафоры: «Космический корабль». Степень метафоричности: $0 < CM < 1$;

3) S — отношение недостижимости. Пример метафоры: «Дом — корабль». Степень метафоричности: $CM = 1$.

Любопытно, что при итерированной метафоричности мы, видимо, можем складывать степени метафоричности составляющих «подметафор». Например:

«Печаль — это осень». $CM = 1$.

«Печаль — это осень сердца». $CM = 2$.

Мы уже указывали, что степень метафоричности определяется через критерий метафоричности — возрастание смысловой недостижимости миров, описываемых соотносимыми контекстами.

Остался последний аспект вопроса: каковы основания выбора замещаемого объекта? Интуитивно очевидно, что перед нами тип кросс-идентификации — нахождение в другом возможном мире объекта-аналога.

Попробуем выразиться более точно. Если основание всякой дефиниции — совпадение существенных (субстанциальных) свойств у дефиниенса и дефиниендума, что на уровне аристотелевской теории определения разбивает множество объектов на классы эквивалентности, то метафорическая суппозиция есть не эквивалентность, а толерантность — пересечение классов существенных свойств у подставляемого объекта и метафорического концепта, с которым он соотносится (пример: «Революции — локомотивы истории»).